

О трагическом в театре.

Теперь, как никогда, чувствуется над храмами искусства веяние крыльев трагедии, они развернуты жизнью, они трепещут у самых окон, но трагедия еще не вошла в свои храмы и не задымила своих жертвенников.

Тусклые, нудные тоны жизни девятилетних годов, полутоны людских переживаний, весь этот бледный муравейник был смет сразу грозой и бурей войны и великой революции, огненные стрелы молний, накопившись в народных массах, одна за другой обжигали и продолжают обжигать старый мир.

Огненные линии жизни можно уложить только в линии, изломы и зигзаги трагедии, где все резко, где все ярко и трагически — определено. Трагедия — это максимум действия. В ней нет места для микроскопического исследования настроений; трагедия — арена ярких волей и мыслей.

Вся наша современность не только в русском, а в мировом масштабе — неизмеримая напряженность, напряженность титанических борений, взрывающих сразу целые вулканы огня и лавы.

Конус за конусом воздвигают огнедышащие горы, отбрасывая далеко перегоревший пепел и шлаки. Нужно схватить, скомпектовать эти вулканические силовые линии, а не копаться в пепле и шлаках.

Такое бытие должно породить, создать — и создает уже — новое сознание человечества. Мы все, живущие теперь чувствуем это, особенно мы, писатели, художники, словом — творцы в разных областях искусства. Почти реальным зрением видится как отодвигаются и уходят со сцены жизни все „пьесы“, „драмы“, „буффы“ и межеумочные „пьесы-чашушки“, и рассудочно-мерт-

вые, своего рода „гробы повалены“, произведения на темы партийных программ ..

Нужна жизнь, подлинная жизнь, освеженная грозой революции, но не сухие тезисы политики, не нарочитые выявления лозунгов дня — нужен захват во всей широте и глубине исторического процесса.

Это — требования жизни, и они диктуют со сцены жизни для сцены храмов искусств — трагедию.

* * *

Какова же должна быть трагедия? Вот вопрос, на который нужно ответить теперь же. Тут не может быть речи только о восстановлении старой трагедии. Правда, Карл Маркс, сказавший, что „бытие определяет сознание“, сказал и то, что „мертвые правят живыми“, но это нужно понимать углубленно. Установив связь между этими двумя великими положениями, мы найдем точное место для традиции в творчестве, поймем, что созданное умершими нужно и в новом бытии для нового сознания.

Маркс строил свою концепцию не на истории человека, а на истории человечества. Отсюда ясно, что при таком мировоззрении мы не приемлем исторических выкликов о „голом человеке на голой земле“, о разрушении всех музеев, об уничтожении всех памятников искусства, о забвении всех приемов художественного мастерства. Такой футуро-анархизм довел бы нас до черты, близкой к религиозно-фанатическим безумствам Саванароллы и сжиганию немецких органов во времена Алексея Михайловича.

Современная наука нас учит, что творчество человека — в комбинировании,